

фундаментальных положений московской теории суверенитета было убеждение в том, что основой суверенности является "свободная монархия", которая объединяет этнически однородный народ. "Свободная монархия" в понимании москвитов – это "вся Русь" в границах Киевской державы. Поэтому стремление Москвы к объединению Руси было вполне естественным. Москва первоначально не стремилась распространять свое влияние на нерусские территории, ибо не считала себя носителем имперских идей римского или византийского типов. В XV–XVI вв. Москва постоянно подчеркивала национальный характер своего государства. Властвование над всем миром московская теория суверенитета не предусматривала. Суверен-

ность Московского государства и его монарха определялась наследственностью трона и божественным происхождением царского рода. Теми же критериями проверялась легитимность власти иноземных монархов.

Появление в Польше солидных исследований по истории российского средневековья стало в последнее время доброй традицией. Польская историческая наука с каждым десятилетием развивается со все большей динамикой, расширяя предмет своих исследований. Появление книги проф. В. Пельтца – яркое подтверждение сказанному.

© 2000 г. Г.Н. Семенчук, А.Н. Янушкевич

Славяноведение, № 2

М.В. ИВАНОВА. Древнерусские жития конца XIV–XV веков как источник истории русского литературного языка. М., 1998. 232 С.¹

Монография М.В. Ивановой, определенная на с. 2 как "научное издание", вышла в свет без таких, казалось бы, необходимых для подобного рода публикаций сведений, как издательство и базовая организация. Тем самым исследовательница мужественно взяла на себя всю ответственность за возможные недостатки работы, посвященной вопросам, которые, по ее убеждению, относятся к "наименее изученным в истории русского языка" (С. 3). Это положение как будто подтверждается тем, что из одиннадцати указанных автором работ о языке житий (С. 9) шесть вышли из-под пера самой М.В. Ивановой. Правда, ряд оставлен открытым благодаря введению интригующего "и др.", однако неупоминание каких-либо иных исследований в дальнейшем изложении и в списке литературы и эксплицитное утверждение, согласно которому "язык древнерусской агиографии... до сих пор не был предметом специального лингвистического изуче-

ния" (С. 10), заставляют заключить, что автор либо не знает литературы предмета, либо намеренно не обращает внимания на публикации, вышедшие в конце 1980-х и в 1990-е годы, т.е. после защиты М.В. Ивановой кандидатской диссертации о лексике Жития Стефана Пермского (1987). Между тем именно в этот период ученые – прежде всего представители петербургской школы палеорусистов – уделили самое пристальное внимание языку агиографии (см. в особенности [1; 2], а также статьи О.А. Черепановой, С.А. Авериной, П.И. Мельникова, В.Д. Петровой, О.А. Старовойтовой в "Вестнике" и научных сборниках Санкт-Петербургского университета). Впрочем, даже работы, названные в списке литературы, не нашли сколько-нибудь заметного отражения в тексте. По-видимому, автор указал их лишь для вящего расширения этого списка, что особенно очевидно при обращении к зарубежным публикациям: не говоря уже о далеко не полном учете трудов европейских и американских славистов в области агиографии (например, [3]), большинство иноязычных исследований фигурируют в книге лишь один раз – в списке литературы. В нашу

¹ Рецензия написана в период стажировки автора в Упсальском университете, субсидированной Шведским фондом интернационализации высшего образования и исследований (STINT).

задачу не входит устранение библиографических пробелов в рецензируемой монографии; отметим лишь, что неучет специальной литературы, т.е. творчества предшественников и современников, в значительной мере обесценивает любую работу, даже если она открывает новые горизонты.

К сожалению, работа М.В. Ивановой не принадлежит к числу первооткрывательских. Непропорционально большое место в этой книге, посвященной истории языка, занимают биографические сведения об агиографах и о прославлявшихся ими святых, более уместные на страницах популярных брошюр. Обратившись к пяти сочинениям конца XIV–XV в., хорошо известным в науке и многократно издававшимся, – житиям Стефана Пермского (ЖСП), Кирилла Белозерского (ЖКБ), Алексея митрополита (ЖАМ), Сергия Радонежского (ЖСР) и Михаила Клопского (ЖМК), исследовательница привела перечень рукописей, которые содержат списки указанных житий (С. 206–207). Однако этот перечень не является исчерпывающим: так, из более чем 50 дошедших до нас списков ЖСП (С. 17) упомянуты лишь восемь, из многочисленных списков ЖСР – девять. Поскольку оригиналы житий не сохранились, а большинство списков переписано через столетие и более после создания текста, логично было бы ожидать от лингвиста сопоставительного анализа списков с целью реконструкции особенностей первоначального текста – что только и могло бы дать основания для выводов о языке с а м и х ж и т и й, а не о языке их поздних списков. Но даже немногие известные автору списки не были исследованы в полном объеме, так что их перечисление носит чисто декоративный характер; чаще всего М.В. Иванова ограничивалась изучением одного-двух списков, в основном уже изданных историками или литературоведами.

Теоретический уровень книги достаточно отчетливо выявляется благодаря таким, например, пассажам: "Как известно, категория безличности (имперсональности) является одной из универсальных семантико-синтаксических языковых категорий, изучение которых базируется на исследовании истории и современного состояния синтаксической системы языка" (С. 26); "Каждый автор отбирает то, о чем он будет писать, что он будет изображать. Отобранный автором материал действительности есть предметный ряд. Понятно, что этот выбор предопределяет и выбор

слов, называющих те или иные предметы, понятия, признаки, действия и проч. А это уже словесный ряд" (С. 188). При такой теоретической глубине, заставляющей вспомнить методические пособия для средней школы, не удивляет и стиль монографии, к которому хорошо подходят собственные слова М.В. Ивановой о первой редакции ЖМК: "... а уж язык... вообще с трудом может быть отнесен к книжному литературному языку" (С. 200). В самом деле: если почти полное отсутствие терминологии (за исключением вдруг возникающих "таксиса" и "эйдоса") может быть объяснено стремлением к общедоступности "научного издания", то выражения типа "(И) конечно же", "вроде бы", "а уж", "или можно обратиться", "и значит", "имперфект должен был иметь свое значение бытийности", "для Пахомия Логофета тоже было свойственно", "обнаруживает свое единичное употребление", "форма, не свойственная своему семантическому распределению", "проблема требует своего пересмотра" etc. побуждают задуматься: на кого все-таки книга рассчитана?

Основные четыре главы монографии строятся по единой схеме: после исторического и историко-литературного введения следует анализ синтаксиса, морфологии, лексики житий (в случае с ЖСР – только синтаксиса), затем – "Краткие выводы". О том, как исследуется синтаксис, дает возможность судить уже первая глава. Приводится цитата из ЖСП, занимающая почти всю страницу, а далее сообщается, что в этом отрывке "наличествуют различные синтаксические связи, присутствует сочинение и подчинение, нанизывание цепочек однородных предложений... и однородных словоформ внутри предложения и проч." (С. 19). Очевидно, что подобное описание применимо ко многим произведениям древнерусской литературы и никоим образом не выявляет специфику ЖСП. Далее дается столь же длинная цитата – речь волхва Пама – и констатируется: "Однако монолог Пама отличается от других. Во-первых, в нем отсутствуют цитаты из Ветхого и Нового Заветов, а во-вторых, он наполнен конкретной лексикой, что создает реальный план повествования" (С. 22) – c'est tout. Синтаксические наблюдения, как видим, весьма лапидарны. При попытке перейти к более конкретному анализу автор обнаруживает огорчительное незнание и непонимание древнерусской грамматики и лексики. Так, по мнению М.В. Ивановой, в ЖСП "фиксируются конструкции, близкие к живой

речи" (С. 22). Однако первая из трех приведенных конструкций – *что ся на(м) мнит²* – демонстрирует вполне книжный глагол *мнѣтися* и едва ли актуальное для "живой речи" конца XIV в. расположение энклитики: вторая – *возьми сега и казни* – два вполне нейтральных с точки зрения "разговорности" императива; в третьей, как полагает исследовательница, присутствует *еи* в значении 'ой' или 'ох' – но контекст (*рече слышалъ ли еси вся си о прелестниче онь (ж) отвѣща еи ч(с)тныи вся си пре(д)реченна слыша(х)*) показывает, что это обычное церковнославянское *еи* в значении 'да'. Автор считает особым союзным словом *коже* (С. 24), в то время как это вин. пад. ед. ч. жен. рода от местоимения *иже*; в обороте *еже итти* представлен отнюдь не целевой союз (С. 25), а характерный для церковнославянского квазиартикль *еже*. Мифическим является "коррелятивный" союз *каа... егда* (С. 24): конструкция *и каа будетъ полза въ крови моеи и егда сниду въ истлѣние* представляет собой вопросительное предложение с вопросительным местоимением *кой* (в жен. роде). Придаточные, вводимые союзом *аще* и зависящие от главных предложений с союзом *но*, являются не условными (С. 24), а уступительными. Формы *лѣпо, полезнее, должно* – не наречия (С. 27), а именные прилагательные в предикативной функции. Глаголы *видѣти* и *зрѣти* не синонимичны (С. 28): первый обозначает пассивное, а второй – активное зрительное восприятие. В предложении *примите наказание Г(с)не еда когда прогнѣваетъ(с) Г(с)ъ* нет временного придаточного с союзным словом *когда* (С. 24): *когда* в данном случае – часть сложного союза *еда когда* (или *егда когда*; в [4] – *да когда*) 'а то'; правда, в книге напечатано *е(с) да*, но это очевидная ошибка – либо рукописи, либо автора монографии, как и отдельно написанное и грамматически бессмысленное *с живуции* (С. 23) вместо правильного *сживуции* 'живущие рядом, вместе', *подробноу* (С. 29) вместо *подробноу* 'постепенно', *подобаше* (С. 27) вместо *подобаше* и т.д.

В целом непонятно, какой смысл имеет (тем более проведенное весьма поверхностно – С. 26–28) описание безличных

конструкций, присущих церковнославянскому языку уже в XI в., и о каком "своеобразии их образования в тексте" ЖСП может идти речь. Любопытно высказывание автора относительно формы *рече* в значении 'сказано': "Вместо формы аориста здесь ожидалось бы страдательное причастие прошедшего времени со связкой или без нее" (С. 29). Возникает вопрос: кем ожидалось бы? Ученый, знакомый с древними текстами и знающий, что это церковнославянское выражение калькирует евангельское греч. εἶπεν, вряд ли ожидал бы здесь какого-нибудь "сказано было".

При описании деепричастий автор неоднократно подчеркивает неисследованность этих форм в исторической русистике, тем самым игнорируя работы И.Б. Кузьминой и Е.В. Немченко, Б.В. Кунавина, М. Феррана. Неясно, какое "формальное выражение" деепричастий усматривает М.В. Иванова в конструкциях типа: *не праз(д)нен же пр(с)но пребываи но дѣлаше руками своима* (С.32–33) – и, напротив, почему оставляет непрокомментированным "причастный оборот" *иноязычико(м) живуце вокругъ около Пръми* (С. 30).

Раздел о морфологии ЖСП по преимуществу трактует о тривиальных формах, характерных и для более раннего, и для более позднего периодов развития книжно-письменного языка и отнюдь не выявляющих своеобразия данного Жития (если о таковом вообще можно говорить применительно к морфологии). При этом автор объединяет архаичное и исконное, новое и неисконное. Так, не следовало рассматривать рядом действительно устаревшие к XIV в. формы *небесе, любы* и исконные, но никогда не устаревавшие *имена, любовию* (С. 36–38), инновационные разве что для дописьменного периода номинативы *ликоне, плечеве* и генитивы *соборовъ, трудовъ* (первые отражают не "живые процессы развития именного склонения на -*о, еще не завершившиеся к концу XIV в." (С. 39), а тупиковое для народно-разговорной речи и в XIV в. уже сугубо книжное образование, тогда как вторые – актуальную на всем протяжении русской языковой истории экспансию *и-основной флексии).

Особенно досадны прямые ошибки, связанные с неразличением падежей, морфем и т.п. Так, в форме притяжательного прилагательного *вражиа* нет церковнославянского окончания *-ия* (С. 35), но

² Графическая подача примеров в рецензии упрощена.

только *-а(-иј-)* – суффикс); *очи* и *оуши* – это исконные формы *i-склонения, а не "новые падежные формы" без суф. *-ес-* (С. 37) (кстати, это и не суффикс, а часть корня); формы (*о(т) създаниа*) *мироу*, (*рыданце*) *цркви*, (*дѣлателя*) *виноградоу* (*Хѣоу*), (*противоу*) *грѣхоу* – не инновационный генитив, а исконный датив (С. 38–39). Ед. число глагола при собирательном *обоу* – не следствие "замены двойственного единственным" (С. 43), а закономерная координация, обусловленная ед. числом самого собирательного *peungit*. Следует разубедить автора и в ценности "обширного материала" ЖСП, "иллюстрирующего разрушение старых отношений" в образовании аориста и имперфекта (С. 44): формы типа *приидохъ*, *изволихъ*, *дивляхуся* и т.п. по крайней мере лет на 400 старше текста Жития. Так называемая форма будущего II употребляется не в значении "прошедшего времени" (С. 49), а в значении прошлого действия, обнаруживаемого в будущем [5]. Единичные появления возвратных глаголов на *-си* ни в коей мере не позволяют "предполагать, что такое образование... вряд ли может считаться принадлежностью книжных текстов" (С. 50): как было показано хотя бы в том же разделе "Древнерусской грамматики" [6], на который ссылается автор, рефлексивы дативного типа вполне обычны для книжных текстов, а встречаются редко только в силу немногочисленности самих лексем; во второй главе книги автор провозглашает использование *си* "лексико-морфологическим явлением" (С. 126), в то время как на самом деле это феномен морфосинтаксический, изначально обусловленный дативным управлением мотивирующих невозвратных глаголов.

Поверхностность изложения и тривиальность разбираемых фактов еще в большей степени бросаются в глаза при чтении раздела о лексике ЖСП. Мы не будем подробно говорить об общих для всей монографии ошибках в оформлении начальных форм разбираемых слов, о непоследовательном употреблении *ѣ*, о совмещении фонемного облика лексем (*слепецъ*, *ветерьъ*, *мидница*, *зловерне*, *утеха*, *единичѣ*, *действио*, *дѣврь*, *внешини* и др.), неверной интерпретации отдельных образований (так, существительное *чарошникъ* образовано не от *чары* (С. 86), а от прилагательного *чарошный*; *далече* – не "вторично-суффиксальное образование" от *дале* (С. 88), а исконная сравнительная

степень от *далекъ*; *стерезитесь* – повелительное наклонение от *стеречися*, а не от *стерегатися* (С. 80); *-ение* и *-ание* – не "два алломорфа одного суффикса" (С. 83), а сложные суффиксы разного происхождения: первый – из *-а-ние*, второй – из *-ен-ие*). Вызывает недоумение сам подход к анализу лексики, случайность классификаций (также последовательно проведенные по всей книге). В частности, смеем предположить, что те же самые тематические группы существительных и лексикосемантические группы глаголов, которые, по мнению автора, свидетельствуют об "огромном лексическом богатстве" разбираемого Жития (С. 53), могут быть выделены практически в любом житии и более раннего, и более позднего периодов. Трудно согласиться с тем, что соположение слов одной группы является "специфической чертой" ЖСП (С. 54) – едва ли какому-либо древнерусскому литературному тексту свойственно употребление слов по принципу: "В огороде бѣзина, а в Киеве дядька".

Переоценивая полноту посмертного издания "Материалов для Словаря древнерусского языка по письменным памятникам" И.И. Срезневского в плане отражения словарного состава древнерусского языка, М.В. Иванова отмечает в ЖСП 152 слова, представленных в этом словаре только цитатами из Жития (С. 56). Между тем из приведенных ею в качестве примера шести слов два, по данным новейших словарей, присутствуют в гораздо более ранних памятниках: *огавие* (не *агавие*!) – в Пандектах Антиоха XI в., *дидаскаль* – в Хронике Георгия Амартола, переведенной в XI в. Однако даже и сведения современных словарей, в силу недостаточной изученности древнерусского письменного наследия, далеко не полны, и без анализа более ранних житий как русского, так и южнославянского происхождения какие бы то ни было выводы об уникальности лексики ЖСП неизбежно остаются построенными на песке. Совершенно непонятно, зачем в книге приводятся длинные списки памятников, в которых зафиксированы некоторые (неизвестно по какому принципу отобранные) лексемы, отмеченные в описываемых житиях (например, с. 57–58, 63–65): при отсутствии точной адресации словоупотреблений эти списки остаются голословными и никак не освобождают будущего исследователя тех же слов от обращения хотя бы к Картотеке Словаря древнерусского языка.

Обескураживают некоторые попутные замечания исследовательницы, которая с необыкновенной легкостью решает дискуссионные вопросы (так, о Синайском патерике сообщается, что он переведен на Руси – с. 57), приписывает "русскому языку" тексты церковнославянские (Чудовский Новый Завет – без упоминания названия, см. с. 59), приводит сведения, очевидно установленные не ею, но не сопровождающиеся ссылками на предшественников (например, о количестве сложных слов в рукописи XIII слов Григория Богослова – с. 67), прибегает к обобщениям, не подтвержденным статистически (так, на с. 68 утверждается, что "в древнегреческом языке ф(ло- в подавляющем большинстве сложных слов занимало первую позицию", но не дается ссылки ни на какой словарь). Говоря об образовании Епифанием сложных слов по образцу греческих *composita*, М.В. Иванова лишь изредка приводит соответствующие греческие слова (без указания источника), но чаще всего предпочитает полагаться на полное доверие читателей к собственной способности "легко генерировать" греческие эквиваленты, не засвидетельствованные словарями (С. 69). Для утверждения о том, что почти все кальки с греческого "скорее всего, были известны Епифанию Премудрому из текстов богослужебного канона" (С. 74), одной уверенности недостаточно: надо по крайней мере знать эти канонические тексты и привести убедительные цитаты из них.

Давая длинные списки синонимов (С. 80–87), автор не затрудняет себя попытками выяснить, чем они отличались друг от друга, существовала ли какая-либо словообразовательная мотивированность в их семантике, обнаруживаются ли какие-нибудь предпочтения в использовании отдельных членов синонимического ряда (ср. [7]).

Вторая глава книги посвящена двум житиям, вышедшим из-под пера Пахомия Логофета, или Серба. Сразу же заметим, что инославянское происхождение агиографа никоим образом не принимается в расчет М.В. Ивановой, которая не сопоставляет язык пахомиевских житий с сербской агиографией и склонна приписывать все инновации писателя отражению "живого древнерусского языка" (напомним, что речь идет о произведениях, написанных в середине XV в., т.е. в период, применительно к которому термин "древнерусский язык" уже давно не используется, а о переходе от "р а н н е й древнерусской

системы" к новой вообще не может быть и речи [С. 122]). При таком подходе говорить о какой-либо верифицированности выводов невозможно. Неудивительно, что автор предпочитает либо вообще не объяснять сложные явления, либо приводить сразу несколько возможных объяснений без попыток анализа (см., например, с. 127).

Глава также изобилует ошибками в трактовке конкретных форм. Так, 1 л. мн. ч. *есмы, вѣмы* – отнюдь не "старые формы спряжения" (С. 114), а, напротив, инновации; *се* в предложении *ветхия мимодоща и се бѣши пота* – не подлежащее в ед. ч., с которым неправильно координируется сказуемое (С. 118), а частица; в конструкции *тако бы еси... имѣлъ любовь* форма *еси имѣлъ* не "имеет значение будущего времени" (С. 120), а является частью сослагательного наклонения, дополнительно осложненного, в связи с деграмматикализацией *бы*, связкой *еси*. М.В. Иванова напрасно не видит имперфективного значения в конструкциях типа *бѣше имя его, гла(д) велии бѣше, бѣше же Германъ... учникъ сѣго Кирила* (С. 122): совершенно очевидно, что здесь описываются длительные, постоянные действия или состояния. Комбинации аориста, имперфекта и наст. времени (*бѣгает бѣше* и т. п.) трудно признать "весьма оригинальными" (С. 125): вероятно, исследовательнице осталась неизвестна публикация М.Н. Шевелевой [8], основательно разобравшей подобные образования на большом фактическом материале из различных памятников. "Избыточное употребление инфинитива *быти*" в конструкциях типа *позна мене грѣшника быти* (С. 126) кажется таковым лишь с позиций современного языкового сознания, но не с точки зрения средневекового книжника, безусловно знакомого с классическим оборотом *accusativus cum infinitivo*. В предложениях типа *ча(с) есть почити, подобно же есть рещи, лучши есть жити намъ бе(з) селъ*, вопреки мнению автора (С. 127), глагольная связка используется именно в качестве части именного сказуемого, тогда как инфинитив выступает в роли подлежащего. При интерпретации форм *луче* и *лучше* – или, точнее сказать, при отказе от их интерпретации (С. 141) – М.В. Иванова следует за [6, С. 158], обличая тем самым незнание как ею самой, так и цитируемым ею автором элементарных правил образования сравнительной степени (см.: [9]).

Не останавливаясь на недостатках лексического анализа, общих для всех лексических разделов книги, заметим, что вместо совершенно излишнего перечисления случайно подобранных (и потому соединенных посредством союза "или") слов, которые представлены, помимо житий, во многих других (тоже неизвестно зачем перечисляемых) текстах (С. 132–133), исследовательница могла бы внести определенный вклад в историческую лексикологию и лексикографию, если бы привела полный список слов из ЖКБ и ЖАМ (как, впрочем, и других житий), не зафиксированных словарями, – однако этот перечень оборван на четвертом примере, за которым следует разочаровывающее "и другие" (С. 133). Перечисляя слова, которые регистрируются словарями лишь с XV в. и позже (причем грамота митрополита Киприана 1390 г. (С. 134), судя по всему, отнесена к XV в.), М.В. Иванова характеризует их как "авангардную" лексику (С. 136), т.е. свежие новообразования живого языка, чутко подхваченные лингвистическим прогрессистом Пахомием Логофетом. Между тем, как уже говорилось, незафиксированность тех или иных лексем в имеющихся словарях и даже картотеках отнюдь не является залогом их новизны и позднего происхождения: во всяком случае, крайне сомнительно отнесение к живому языку таких слов, как *нерадѣние*, *окормитель*, *поползаемыи*, *рассудительныи*, *смяглость*, *старчество*, *утѣшение*, отличающихся маркированно церковнославянскими морфемами. Отмечая употребление в языке Пахомия Логофета существительных с суф. *-ица*, *-це* (*рыбица*, *удица*, *оконце*), М.В. Иванова подчеркивает, что "образования подобного типа не встречаются в текстах Епифания Премудрого" (С. 136), и тоже связывает их с разговорной речью. Однако существительное *окѣныце* представлено в сентябрьской Минее конца XI в. [10], в Повести временных лет под 1068 г., в Хождении игумена Даниила, созданном в XII в., в Скитском патерике [11. Вып. 12. С. 336] – и, следовательно, едва ли может включаться в число экспрессивных форм живой речи, в то время как суф. *-ица* характерен для южнославянских языков (и, значит, церковнославянского, ср. *вѣдоица*, *дѣица*, *оулицы* vs. *вѣдова*, *дѣятька*, *оульки*). Здесь скорее можно ставить вопрос о воспроизведении Пахомием сербско-церковнославянских образований. В этой связи хотелось бы

обратить внимание и на слово *пятловыи* 'петушиный': исследовательница указала на его незафиксированность словарями (С. 133), но не заметила, что в [11. Вып. 21. С. 92] мотивирующее существительное *пятель* сопровождается комментарием: "написание, отражающее смешение рефлексов *л* и *ѣ* у писателей-сербов" – и, кроме того, представлен вариант *пятеловый* из того же ЖКБ, но по другому списку. Фраза о том, что "словари... с XVI в. отмечают *древодѣль* (*древодѣла*)" (С. 139), создает неверное впечатление о новизне древнего славянского слова *древодѣля*, известного по памятникам с XI в. [11. Вып. 4. С. 353].

В третьей главе, посвященной языку ЖСР, на наш взгляд, убедительно доказывается, что две редакции Жития – так называемые Епифаниевская и Пахомиевская – в действительности восходят к редакциям одного автора – Пахомия Логофета. Однако, к сожалению, к недостаткам и ошибкам предшествующего изложения в этой главе прибавляются новые, на которые мы укажем вкратце. Как уже отмечалось, М.В. Иванова не склонна к широкому использованию достижений предшествующих исследователей. Гораздо прискорбнее, однако, что автор обнаруживает неправильное понимание даже немногих цитируемых ученых. Так, на с. 160 утверждается, что страдательно-причастные безличные конструкции типа *невзбринно ми буде(т)*, *бѣ же писано* оцениваются в монографии [12. С. 286] как "имеющие разговорный характер". В действительности же автор соответствующего раздела монографии, В.Л. Георгиева, квалифицирует таким образом только страдательные причастия от косвенно-переходных глаголов (*не пересрочено*, *не заѣхано*, *договоренося*), а о конструкциях, рассматриваемых М.В. Ивановой, с полным основанием говорит, что они "продолжают книжную традицию" [12. с. 285].

Неверно трактуются исследовательницей контексты с формой *нужно*: это не наречие в составе безличной конструкции (С. 161), а прилагательное, фигурирующее в двусоставных предложениях либо в роли сказуемого, либо в роли определения (см. подобные употребления в [11. Вып. 11. С. 443–444, 446–448]), причем *нужно бо е(с)и* *престиво нѣ(с)ное* – не распознанная автором цитата из Мф. 11, 12. Тем самым утверждение, будто в ЖСР представлена самая ранняя фиксация безличного обо-

рота "нужно + инфинитив", следует признать ошибочным.

В целом корректно, хотя все же недостаточно тщательно и подробно, проведен М.В. Ивановой анализ языка первой редакции ЖМК (четвертая глава книги). Справедливо отмечая действительные на сей раз черты разговорного синтаксиса и инновационной морфологии, автор, однако, не уделяет внимания такому важному обстоятельству, как отражение в тексте развития категории одушевленности во мн. числе (ср.: *посла по мастеровъ* – с. 177). Некоторые формы ЖМК нельзя признать вполне "новыми" (так, 2-е л. ед. ч. на *-шь* известно уже с XI–XII вв.) или "разговорными" (конструкция *по + вин. пад.* с целевым значением встречается и в Житии Феодосия Печерского, и в летописях). Противоречивы высказывания автора о диалектной основе ЖМК: отвергнув вывод Л.А. Дмитриева о его новгородском происхождении (С. 184), М.В. Иванова тут же упоминает о новгородском диалекте применительно к инновационному дативу мн. ч. *черньцамъ, мастерамъ* (который на самом деле не был ограничен новгородской территорией) и далее неоднократно говорит о диалектных явлениях, не уточняя, какой диалект имеется в виду. Между тем не оговоренная исследовательницей форма род. пад. ед. ч. (*бѣзгакъ*) *своеи о(т)чинѣ* (С. 177) находит соответствия в новгородских грамотах, так что ее заявление об отсутствии черт древненовгородского диалекта в ЖМК (С. 184) едва ли правильно. Указав, что слово *другорядѣ* не фиксируется историческими словарями, автор подчеркивает, что значение выражения *в другоряте* – 'в другой раз' – "определено по контексту" (С. 189). Однако существительного *другорядѣ* нет, а есть наречие *вдругорядѣ(ь)*, представленное в [И. Вып. 2. С. 41] и хорошо известное всякому, кто читал "Горе от ума" (действие второе, явление второе, монолог Фамусова).

В пятой главе на восьми (!) страницах рассматривается проблема второго южнославянского влияния и его отражения в языке житий конца XIV–XV в. При столь экономном изложении одного из ключевых вопросов русской языковой истории ожидать новаторских подходов или по крайней мере информативного разбора

имеющихся точек зрения трудно. Весь обзор литературы сводится к семи строкам о взглядах А.И. Соболевского, чуть больше говорится о позиции Д.С. Лихачева (выдвинувшего, по мнению исследовательницы, "не вполне обоснованные положения"), несколько слов – о других ученых. Впрочем, почти две страницы уделены критике термина "второе южнославянское влияние", после чего М.В. Иванова формулирует задачу, видимо, для других исследователей: "Что действительно следует сделать, так это дать второму южнославянскому влиянию четкую научную дефиницию" (С. 200). Других директив пятая глава не содержит, однако заканчивается давно ожидаемым, но никак не вытекающим из предшествующего текста сопоставлением русской и сербской агнографии (притом что последняя известна автору, вероятно, только из обзорной статьи Н.И. Толстого).

Монография завершается заключением, из которого читатель узнает, что автору удалось: а) "выявить языковые черты в житийном жанре" конца XIV–XV в.; б) "определить их эволюцию"; в) "прояснить спорные проблемы" и г) "пересмотреть некоторые утвердившиеся в науке положения" (С. 202). Приходится, однако, констатировать, что с теми затратами сил и времени, которые позволила себе исследовательница, реальное разрешение всех этих проблем невозможно. Без рассмотрения русской агнографии указанного периода на фоне предшествующих оригинальных и переводных текстов житийного жанра, без обращения к южнославянской агнографической традиции, без квалифицированного анализа языковых черт книжного и разговорного характера, без основательного знания исторической грамматики цель автора, заявленная уже в самом названии книги, – установить значение житийных текстов XIV–XV вв. для истории русского литературного языка – никак не могла быть достигнута.

© 2000 г. В.Б. Крысько

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Рогожникова Т.П.* "Житие Стефана Пермского" Епифания Премудрого: Лингвистический анализ: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1988.

2. Кошкин И.С. Стиль "плетение словес" и его эволюция в русской агиографии XVI в. (на материале двух житий Иосифа Волоцкого и Жития Михаила Клопского): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 1994.
3. *Vørtnes J.* Visions of glory: Studies in Early Russian hagiography. Oslo, 1988.
4. Житие св. Стефана епископа Пермского / Изд. В. Дружининым / Photomechanic reprint with an introduction by D. Čiževskij. ^s-Copenhagen, 1959. С. 13.
5. Горшкова К.В., Хабургаев Г.А. Историческая грамматика русского языка. 2-е изд., испр. М., 1997. С. 315–319.
6. Древнерусская грамматика XII–XIII вв. М., 1995. С. 478–480.
7. Кошкин И.С. Словообразовательное варьирование имен существительных в "Житии Стефана Пермского" Епифания Премудрого // Развитие частей речи в истории русского языка. Рига, 1988.
8. Шенелени М.Н. Аномальные церковнославянские формы с глаголом *быти* и их диалектные соответствия // Исследования по славянскому историческому языкознанию: (Памяти профессора Г.А. Хабургаева). М., 1993.
9. Крысько В.Б. "Опыт описания" фонетики и прилагательного в Древнерусской грамматике XII–XIII вв. // Russian Linguistics. 1998. Vol. 22. № 2. С. 227.
10. Ягич И.В. Служебные минеи за сентябрь, октябрь и ноябрь: В церковнославянском переводе по русским рукописям 1095–1097 г. СПб., 1886. С. 0188.
11. Словарь русского языка XI–XVII вв. М., 1975 – 1999. Вып. 1–24.
12. Историческая грамматика русского языка. Синтаксис. Простое предложение. М., 1978.